

Алексей Филатов

БУДЁННОВСКИЙ РУБЕЖ

Расследование
участника
событий

16+

Алексей Филатов

Будённовский рубеж

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Филатов А.

Будёновский рубеж / А. Филатов — «ЛитРес: Самиздат», 2020

ISBN 978-5-532-05217-8

Захват больницы в Будёновске в 1995 году стал самым крупным терактом в мире. В заложниках оказалось почти 2000 мирных граждан, среди которых дети, женщины, старики... Они гибли от пуль и осколков, сходили с ума от страха. Итог — 129 погибших, 415 раненых. Впервые террористы выдвинули политические требования и впервые наше государство уступило. Автор — офицер спецподразделения «Альфа» и участник тех событий — провёл собственное расследование. Он встречался с заложниками, оперативниками и боевиками. Оказалось, существовал план, позволявший избежать трагического исхода. Почему был выбран другой путь и кто в ответе за трагедию Будёновска? Ответы — на страницах этой книги.

ISBN 978-5-532-05217-8

© Филатов А., 2020
© ЛитРес: Самиздат, 2020

Содержание

Расследование участника событий	5
Вместо предисловия	6
Накануне	9
14 Июня. День первый. Захват	14
15 Июня. День второй. Плен	24
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Расследование участника событий

Памяти всех...

Вместо предисловия

В 1995 году я был молодым офицером «Альфы». Я служил в лучшем спецподразделении мира уже три года и гордился этим. Я не представлял, чем ещё тогда можно было гордиться в России, кроме «Альфы».

О Чечне я знал то же, что и все. В 1991 году республика под руководством генерала Дудаева в одностороннем порядке отделилась от России¹. В 1993 году сторонники Дудаева разогнали парламент, а годом спустя противостояние в непризнанной Ичкерии переросло в военный конфликт. Россия решила поддержать противников Дудаева и в декабре 1994 года ввела войска – формально на свою территорию. Так началась Первая чеченская война.

Штурм Грозного стал крупной неудачей федеральных сил. Отсутствие у руководства чёткого плана операции, плохая координация действий подразделений, устаревшие карты, открытые радиопереговоры, – всё это привело к тому, что операция растянулась до февраля 1995-го и закончилась не уничтожением, а отходом боевиков. При этом мировое общественное мнение – от CNN до НТВ – всячески поддерживало «борцов за независимость». Тем не менее, российская армия продвигалась – медленно, неуклюже, терпя позорные поражения и неся страшные потери.

К концу апреля 1995 года равнинная часть Чечни в основном контролировалась Россией. Боевики были заперты в горах. Казалось, победа близка. Двенадцатого мая началось новое наступление. В начале июня был взят райцентр Ведено, через полторы недели Ножай-Юрт и Шатой. Вот выдержка из передовицы в газете «Правда» от 14 июня 1995 года: «Федеральные войска в Чечне вплотную подошли к горному посёлку Шатой, последнему укреплённому оплоту дудаевских сил. В тылу обороняющихся высажен сильный штурмовой десант. И не исключено, что, когда читатели получат этот номер газеты, над Шатоем уже будет развеваться российский флаг, подведя черту (последнюю ли?) под полугодовой кровавой трагедией, превратившей республику в руины и стоившей всем нам многих тысяч человеческих жизней». Да, счёт потерь российской армии уже тогда шёл на тысячи, а мирного населения – на десятки тысяч.

Но в той же статье присутствовала и другая оценка ситуации: «Сами же дудаевские лидеры продолжают утверждать, что сопротивление далеко не закончено и речь идёт лишь о «перемене тактики», а именно: об организации массовой партизанской войны, об инфильтрации боевиков в занятые федеральными силами районы и развёртывании террористических и диверсионных действий. Насколько реальны их замыслы? Обстрелы блокпостов в Грозном, засады и минирование дорог, вспыхнувший на днях пожар на нефтебазе в соседнем с Чечнёй Хасавюрте – всё это говорит о том, что угрозы дудаевцев далеко не беспочвенны». Кто знал тогда, что эти предостережения сбудутся, едва успеет высохнуть на газетной полосе типографская краска?

Четырнадцатого июня наше подразделение подняли по тревоге. Через час мы были готовы к вылету в аэропорт Минеральных Вод. Уже там, на месте, нам сообщили, что чечен-

¹ В 1992–1993 годах на территории Чечни было совершено свыше 600 умышленных убийств. За 1993 год на Грозненском отделении Северо-Кавказской железной дороги 559 поездов подверглись вооружённому нападению, разграблено вагонов и контейнеров на 11,5 млрд рублей. За 8 месяцев 1994 года было совершено 120 вооружённых нападений, убытки составили более 11 млрд рублей. С 1992 по 1994 годы в результате вооружённых нападений погибло 26 железнодорожников. В результате Правительство РФ приняло решение о прекращении железнодорожных перевозок по территории Чечни с октября 1994 года. В тот же период по фальшивым чеченским авизо было получено более 4 трлн рублей. Процветал и криминальный бизнес на выкупе заложников: по данным «Росинформцентра», всего с 1992 года было похищено и незаконно удерживалось в Чечне 1790 человек. Несмотря на отказ Дудаева платить налоги, федеральный центр продолжал перечислять в Чечню денежные средства из бюджета (так, в 1993 году в республику ушло 11,5 млрд рублей). Российская нефть до 1994 года также продолжала поступать в Чечню, при этом она не оплачивалась и перепродавалась за рубеж.

ские боевики под командованием Шамиля Басаева захватили больницу Будёновска и держат в заложниках более тысячи человек. Террористы выдвинули единственное требование: российские войска должны уйти из Чечни.

Три дня спустя я лежал на земле и смотрел через прицел пулемёта на женщину, привязанную к оконному проёму больницы куском простыни. Она стояла на подоконнике и кричала: «Не стреляйте!» Я слышал её крик даже сквозь шквальный огонь боевиков, превращавший кроны деревьев в труху.

Я не знал, на чём основаны решения штаба. Но я был офицером. Мой долг – выполнить приказ. Тот, кто не выполняет приказы, снимает погоны.

Я делал всё, что мне приказывали. Я выполнил свой долг до конца.

Уже спустя время я понял: то, что произошло – абсурд. Все эти годы меня не оставляли вопросы: почему нас заставили пойти на это безумие, почему решения по Будёновску были настолько провальны? Тогда никто из нас, офицеров «Альфы», не знал на них ответов. Не знали их и те, чьи жизни стали ставкой в этом противостоянии. Не знали и их родные, у которых эти пять дней отняли годы жизни. Те, кто отдавали приказы, так и не сочли нужным объяснить стране, почему ей пришлось заплатить такую высокую цену.

Ни сразу после операции, ни по прошествии многих лет мы в подразделении не только не проводили разбора наших действий, но старались даже не обсуждать те страшные события. Конечно, мы поминаем погибших, в годовщину иногда даже прилетаем в Будёновск, на десятилетие выпустили памятные медали и вручили их заложникам. Но так, как участники штурма дворца Амина собираются и отмечают ту операцию, такого не бывало. Словно нам до сих пор совестно, что мы не смогли освободить заложников и отпустили Басаева в Ичкерии героем. Словно было что-то постыдное в том страшном бою.

Когда три года спустя я с двумя офицерами подразделения решил съездить в Будёновск, сослуживцы наперебой отговаривали нас. Да мы и сами не знали, как воспримут этот визит местные жители, что они думают о нашем участии в тех событиях. Мы не афишировали наш приезд. Скромно помянули погибших на местах их гибели, походили вокруг больницы, вспомнили те дни. А когда нашли дом, где просидели сутки после боя, ожидая прорыва, к нам вышел мужик и прямо спросил: «Это за вами я тогда гильзы выметал?» Отпираться было глупо. Но когда хозяин пригласил нас в дом и усадил на место почётных гостей, напряжение спало. Местные интуитивно понимали, что мы, как и они, в той ситуации оказались заложниками.

С годами пришло понимание, что прятать голову в песок и загонять проблему ещё глубже – не выход. Завершая работу над книгой «Люди А», я уже знал, что она – только прелюдия к этой, главной книге-размышлению. Я понимал: чтобы разобраться в том, что произошло, мне нужно прежде всего самому освободиться от этого тяжкого груза. Я не уверен, что найду все ответы на мучающие меня вопросы, что смогу всё себе объяснить. Но это тот случай, когда лучше сделать и жалеть, чем жалеть, не сделав.

Большинству участников той операции нечего стыдиться. Мы сделали всё от нас зависящее. И я буду рад, если эта книга-расследование поможет кому-то из моих боевых товарищей избавиться от комплекса вины, который засел глубоко внутри.

Я приезжал в Будёновск, говорил с местными жителями. С заложниками и оперативниками. С русскими и чеченцами. Я ездил в Чечню, чтобы расспросить тех, кто воевал на той стороне. Я брал интервью у генералов и экс-министров, у тех, кто отдавал приказы, и у тех, кто их выполнял. У каждого были свои воспоминания и своя оценка событий. Я попытался свести их воедино, восстановив события тех дней. Результат перед вами.

МЕСТО И ВРЕМЯ

Россия, Ставропольский край, город Будёновск. Июнь 1995 года.

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

СЕРГЕЙ ПОЛЯКОВ. *Руководитель Первого отдела Группы «Альфа».*

ВЛАДИМИР ПОПОВ. *Начальник отдела по борьбе с организованной преступностью УБОП при УВД Ставропольского края.*

АНАТОЛИЙ СКВОРЦОВ. *Заслуженный врач Российской Федерации, хирург высшей категории. Заведующий хирургическим отделением ЦРБ г. Будёновска.*

МАГОМЕД РАМЗАЕВ². *Боевик.*

ЕВГЕНИЙ УЛЬШИН. *Электромонтёр по ремонту телефонных аппаратов. Заложник.*

АЛЕКСЕЙ ФИЛАТОВ. *Офицер Группы «Альфа». Пулемётчик.*

АЛЕКСАНДР ГУСЕВ. *Командир Группы «Альфа».*

МИХАИЛ ЕГОРОВ. *Заместитель министра внутренних дел России. Руководитель штаба во время теракта в г. Будёновске.*

СЕРГЕЙ СТЕПАШИН. *Директор ФСК³ России.*

АЛЕКСАНДР КОРЖАКОВ. *Начальник охраны Бориса Ельцина.*

ВЛАДИМИР ЧЕРНОБЫЛОВ. *Начальник военной контрразведки Северо-Кавказского военного округа.*

² Был задержан в 2003 году в Ингушетии и осуждён на 11 лет колонии строгого режима. Имя и фамилия изменены по его просьбе.

³ Федеральная служба контрразведки, существовала с декабря 1993 по июнь 1995 года. В апреле 1995 года Б. Н. Ельцин подписал закон «Об органах Федеральной службы безопасности в Российской Федерации», согласно которому ФСБ является правопреемницей ФСК.

Накануне

ПОЛЯКОВ

Мог ли предположить 26-летний офицер, в 1980 году прошедший отбор в лучшее подразделение страны по борьбе с терроризмом, что через десять лет ему придётся работать «пожарным» – гасить локальные конфликты, полыхавшие по всему Союзу? Да, в 1990-м он почти не вылезал из таких командировок: Баку, Ереван, Вильнюс, Ош... А в конце года подполковник Поляков возглавил Хабаровский территориальный отдел Управления «А». Там, помимо борьбы с терроризмом, ему пришлось заниматься криминальными разборками, хищениями с приисков золота и драгметаллов. В 1992-м, когда отдел передали местному Управлению, Сергей Андреевич вернулся в столицу, став заместителем начальника Первого отдела. Формально – понижение, но приказ есть приказ. Да и работы в новой должности хватало: следом за осетино-ингушским конфликтом разгорался чеченский.

Развал СССР нанёс сокрушительный удар по элите спецназа. «Альфа» горько переживала предательство, никто не понимал, что происходит и куда идёт страна. Уничтожение оборонки, разложение армии, продажа черноморского флота, американские советники повсюду – всё это выбивало почву из-под ног. Наверное, так же чувствовали себя русские офицеры после революций 1917 года. Нищета 90-х затронула и Группу «А». И хотя после ГКЧП⁴ её вместе с «Вымпелом»⁵ из ведения КГБ передали в ГУО⁶, где зарплату хоть как-то платили, экипировку для многочисленных командировок бойцам зачастую приходилось покупать за свой счёт. Сотрудники подрабатывали, как могли: ездили на «стрелки», «крышевали», по ночам охраняли банки. Ушло много толковых ребят. Кто-то окунулся в бизнес, стал создавать охранные структуры. К середине 90-х подразделение потеряло почти половину состава.

Переломным моментом стал 1993 год, когда президент страны приказал «Альфе» и «Вымпелу» взять штурмом осаждённое войсками здание Верховного Совета, где находились оппозиционные Ельцину депутаты. Но они выполнили приказ не так, как хотел Борис Николаевич. Офицеры «Альфы» без штурма проникли в здание и под свои гарантии сумели вывести опальных депутатов. Ельцин остался очень недоволен. «Вымпел» был передан в структуру МВД, после чего его покинула большая часть личного состава⁷. «Альфу» отстоял руководитель ГУО Барсуков. Но офицеры понимали, что отныне их судьба висит на волоске: малейшее своеволие – и они разделят участь «Вымпела».

Накануне войсковой операции в Чечне подполковник Поляков вместе со своим подразделением находился в Прохладном, недалеко от Моздока. «Альфа» серьёзно прорабатывала план ликвидации Дудаева и его ближайших соратников. Это позволило бы урегулировать ситуацию без большой войны, которая назревала на Кавказе. Все помнили штурм дворца Амина, и подобная операция в Грозном даже той, постперестроечной «Альфе», была вполне по силам. В Грозном работала агентура, выезжали на разведку и сотрудники подразделения. Но руководство России сделало ставку на чеченскую оппозицию, щедро снабдив её оружием и боеприпасами и отправив ей в помощь танки и авиацию. Тот первый, «неофициальный» штурм Гроз-

⁴ Государственный комитет по чрезвычайному положению в СССР – самопровозглашённый орган власти в СССР, существовавший с 18 по 21 августа 1991 года. Включал в себя ряд высокопоставленных должностных лиц Советского правительства. Члены ГКЧП выступили против проводившейся президентом СССР М. С. Горбачёвым политики перестройки, а также против подписания нового союзного договора и преобразования СССР в конфедеративный Союз Суверенных Государств, куда планировали войти только девять из пятнадцати союзных республик.

⁵ Группа «Вымпел» была создана 19 августа 1981 года в составе управления «С» (нелегальная разведка) Первого главного управления КГБ СССР и была предназначена для проведения специальных операций за пределами страны.

⁶ Главное управление охраны РСФСР. С 12 июня 1992 г. по 24 июля 1995 г. его возглавлял Михаил Иванович Барсуков.

⁷ Из 660 сотрудников «Вымпела» только 49 согласились перейти в МВД.

ного провалился, вошедшие в город танки были сожжены, часть российских солдат погибла, часть попала в плен. Президент России наотрез отказался разговаривать с Дудаевым, решив показать, «кто в доме хозяин». Шла подготовка к вводу крупных федеральных сил на территорию мятежной республики. «Альфе» больше там делать было нечего.

ПОПОВ

Подполковника Владимира Попова отправили из Будёновска в Моздок 15 декабря 1994 года, через четыре дня после ввода войск в Чечню. Задача – сбор оперативной информации на границе Чечни, Осетии и Дагестана. По просьбе Попова из Будёновска откомандировали и его друга, Фёдора Заикина, толкового опера, родом из Чечни. Первое время им было негде жить – ночевали в машинах, в сараях, в каких-то непонятных домах. Около месяца кантовались в бывшем наркоманском притоне. Потом Владимир попросил помочь с жильём своих старых знакомых – чеченцев, и они привели его в Герменчук, небольшой посёлок возле Шалей, в дом своего отца Хусейна.

Хусейну было семьдесят четыре года, и он повидал в жизни всякое. К идее независимости Чечни он относился без восторга. Он говорил, что любой суверенитет кончается за калиткой его двора. Хусейн мог так говорить. Его уважали. Почти весь Герменчук был его тейпом. Он приходился родственником самым разным людям. Так, Асламбеку Большому, полевому командиру и правой руке Басаева, он был двоюродным дядей.

Когда Асламбек узнал, что у Хусейна живёт русский опер, он пришёл ночью разделаться с ним. Но постоял в дверях и ушёл – не решился оскорбить дядю убийством гостя в его доме. Тем более, с Хусейном Попов сдружился. До того, что старик называл его своим сыном. В Чечне это серьёзно.

Это была уже вторая попытка Асламбека убрать Попова. До этого он подослал родного брата Шарипа, воевавшего с ним в горах. Тот тоже пришёл ночью, но после откровенного разговора решил остаться и помогать тому, кого должен был убить. Он увидел, что русский опер хочет мира, а не войны. С тех пор Шарип больше не воевал.

Стал помощником и другом Владимира и младший сын Хусейна Абдулбек. Вместе с Фёдором Заикиным чеченцы вошли в оперативную группу Попова. Каждый получил российское удостоверение, подписанное Командующим ОГ ФВ в ЧР⁸.

Но наладить диалог Попову удавалось не со всеми. Более того, появились у него и серьёзные враги. Один из них – Абу Мовсаев, глава Департамента госбезопасности Ичкерии. В феврале 95-го Попов украл у него пленного российского солдата. Тот сидел во дворе – непривязанный, неприкованный: ни у кого и мысли не возникало бежать из контрразведки. Попов со своими оперативниками зашли в ворота, быстро схватили солдата и увезли. Неделю они со спасённым солдатом прятались в Сержень-Юрте, на окраине бывшего пионерского лагеря. Тогда Абу страшно разозлился и долго его искал. Через четыре месяца Попов встретится лицом к лицу и с Асламбеком Большим, и с Абу Мовсаевым в захваченной больнице Будёновска.

А пока группа Попова продолжала по собственной инициативе вызволять из плена наших солдат. Кого воровали, о ком договаривались с чеченцами. Пленных передавали федералам, но те, бывало, открещивались от «дезертиров». «Какие дезертиры? – негодовал оперативник. – Парень пошёл в туалет, ему кинули мешок на голову и утащили. Ему 18 лет, он жизни ещё не видел». Попов отвозил вызволенных из плена солдат к себе домой в Будёновск, где оставалась его семья – жена и пятеро детей. Владимир сам рассылал телеграммы родным спасённых им солдат, а потом передавал их с рук на руки мамам и бабушкам. Отцов у многих ребят не было.

СКВОРЦОВ

⁸ Объединённая Группировка Федеральных войск в Чеченской Республике.

В Будённовске Анатолий Сковорцов оказался случайно. Возвращаясь из поездки по Кавказу промозглым январским днём 1971 года, он изучал расписание автобусов на вокзале Минеральных Вод и наткнулся на смутно знакомое слово – Прикумск⁹. Оно зацепилось в памяти за фамилию друга юности: да ведь это же его родной город! А как он рассказывал о рыбалке на Куме! И Анатолий купил билет до Прикумска. Но в любом городе главной достопримечательностью для хирурга Сковорцова была больница. И по приезду он сразу отправился её разыскивать. А может, подумал он, остаться здесь работать?

Свою профессию Сковорцов не просто любил – он жил ей. Сразу после института отправился в бедную участковую больницу в северном Казахстане, где ему фактически пришлось стать земским доктором – хирургом, травматологом и рентгенологом в одном лице. Условий не было никаких, оперировать приходилось в почти неотапливаемом помещении. Потом ему не раз пришлось менять место работы. Но уже по другим причинам. Характер у Сковорцова был не из тех, что нравится начальству, – прямой и бескомпромиссный. Да ещё в сочетании с самоуправством – ну не считал нужным молодой талантливый хирург советоваться со старшими товарищами! Это раздражало. И, несмотря на блестящие результаты (а, может, как раз поэтому), с руководством Анатолий Германович не уживался. Два года спустя ситуация повторилась и в Будённовске. Тогда для проверки пригласили целую комиссию из Москвы. Профессор и членкор Академии наук подивились, какие операции с успехом делает хирург районной больницы. И рекомендовали присмотреться к его методам. Сковорцова оставили.

Через десять лет, став заведующим хирургическим отделением, Анатолий Германович принялся строить новую систему. Зачем столько дней люди лежат в палатах? Обследуются? Пусть обследуются в поликлинике, а приходят сразу на операцию! Хотят пораньше выписаться? Пожалуйста. Медсестра придёт, сделает перевязку на дому, снимет швы. Многомесячные очереди исчезли, в палатах появились места, но пациентов стало в разы больше. В области шла молва про чудесного доктора, операционная работала без перерыва. Потом Сковорцова стали вызывать в другие больницы на сложные случаи, и он предложил переводить их в Будённовск, где условия были лучшими. Со временем оборудовал ещё одну операционную, разделил отделение на гнойную и чистую хирургию. По-новому организовал работу врачей и младшего персонала. По его схеме медсёстры каждые три месяца меняли профиль работы – постовые, процедурные, перевязочные. Им нравилось это разнообразие, а врач отныне мог взять в операционную любую из них, проблемы взаимозаменяемости не стояло. Позже, в захваченной больнице, это позволит делать операции сутки напролёт.

Со временем Сковорцову удалось не только перестроить работу отделения, но и поднять зарплаты своим врачам и медсёстрам. В больнице, да и в крае им откровенно завидовали. К зависти Анатолий Германович давно привык. А вот к нищете, что захлестнула богатейший край в начале 90-х, привыкнуть так и не смог. Начались перебои с лекарствами, пациенты вынуждены были покупать их на свои сбережения. По вечерам, выгуливая своего сенбернара, он с горечью смотрел, как старики роются в помойках в поисках еды.

Его пытались продвинуть выше. Дважды назначали главным хирургом Ставропольского края. И дважды он отказывался. Ему надоело воевать с ветряными мельницами, начинать всё заново. Здесь жила его семья – жена, дочь и внучка. Здесь его знали и ценили, здесь он был нужен.

Будённовск – тихое место. Правда, рядом Чечня. Сковорцов поморщился. Он помнил, как радовались в больнице: наконец-то ввели войска и всё это безобразие кончится. Анатолий Германович не радовался. Он считал, что войска ввели поздно. Дудаевцы уже успели сорганизоваться и создать полноценную армию.

⁹ Старое название Будённовска.

Ходили слухи, что чеченцы могут напасть на российскую территорию. Отсюда, из Будёновска, они уехали. Куда-то скрылись и вездесущие цыгане. Плохой знак. Всё это может кончиться очень большими неприятностями, в который раз подумалось ему.

РАМЗАЕВ

Магомед Рамзаев не занимался политикой. Он не ходил на митинги, не орал, не спорил. Он занимался овцами. Вместе с братьями он держал большой дом и стадо шерстяных овец. Шерсть в те годы была в цене. Жили нормально, хозяйство было большое. По торговым делам пришлось даже на три года переехать в Волгоград. Хорошее было время.

В декабре началась война, и он пошёл на войну. Не было вопроса о том, идти или не идти. Война – значит, надо идти. Тем более, больше некому. У братьев – семьи, дети. Магомет женился, но детей не было. Он был молод, двадцать шесть лет. К тому же, он служил в Советской армии. Он знал, как русские умеют воевать. Поэтому сказал братьям, что пойдёт за всю семью.

Весной 95-го стало понятно, что война проиграна. Федералы вошли в Шатой и Ведено. Остатки армии Ичкерии оказались зажаты в горах. Нужно было или бежать, или придумать что-то невероятное.

Операцию спланировали четверо: Шамиль Басаев¹⁰, Абу Мовсаев¹¹, Асламбек Абдулхаджиев¹² (Большой) и Асламбек Исмаилов¹³ (Маленький). Рамзаев с первого дня воевал у Маленького. Он был его земляк-шалинец, они подружились. Для Рамзаева авторитетом был только он. Сообщили об операции и Дудаеву – к нему ездили Абу Мовсаев, Асламбек Большой и Асламбек Маленький. Но даже он не знал, что, где и когда произойдёт.

План выглядел просто: атаковать Россию изнутри. Чтобы и её жители поняли, что такое война. Ехать решили, пока не остановят. Хоть до самой Москвы. Даже назначили, кто будет комендантом Кремля, кто какое крыло будет контролировать. Но если не дойдём, биться там, где придётся. Иншалла.

На успех никто особенно не рассчитывал. Но все были уверены: если погибнут, то с честью – как они её понимали.

¹⁰ Террорист, активный участник вооружённой борьбы за выход непризнанной Чеченской Республики Ичкерия (ЧРИ) из состава РФ и боевых действий в Чечне в 1991–2006 годах, генерал армии ЧРИ. Родился в 1965 году в Чечено-Ингушской АССР, проходил срочную службу в Советской армии. В 1987 году поступил в Московский институт инженеров землеустройства, на следующий год отчислен. В 1991 году вступил в вооружённые формирования Конфедерации народов Кавказа (КНК), создал вооружённую группу «Ведено». В августе 1991 года во время ГКЧП принимал участие в обороне Дома правительства РСФСР в Москве. В октябре 1991 года выдвигал свою кандидатуру на пост президента Чечни. В ноябре 1991 года участвовал в угоне пассажирского самолёта Ту-154 из аэропорта Минеральные Воды в Турцию (в Анкаре боевики освободили заложников и провели пресс-конференцию, на которой потребовали не допустить ввода российских войск в Чечню, после чего турецкие власти позволили им на том же самолёте вернуться в Грозный). Эта акция позволила Басаеву поднять свой авторитет среди сепаратистов, и вскоре он вошёл в руководство Национальной гвардии Джохара Дудаева, а в 1992 году был назначен командующим войсками КНК. С августа 1992 года принимал активное участие в военных действиях в Абхазии. Был командующим Гагринским фронтом, советником главнокомандующего вооружёнными силами и заместителем министра обороны Абхазии. Командовал отрядом чеченских добровольцев («Абхазский батальон»). Руководил карательной акцией у села Леселидзе. Летом 1994 года с началом гражданской войны в Чечне Басаев вступил в боевые действия на стороне Джохара Дудаева, был одним из организаторов обороны Грозного.

¹¹ Террорист, активный участник чеченского конфликта 1990-х. Родился в 1959 году в селе Обдериха Казахской ССР. В 1960 году семья Мовсаевых переехала в Шалинский район Чечено-Ингушской АССР. В 1986 году окончил Астраханскую среднюю школу милиции, затем работал в МВД Калмыцкой АССР. В 1987 году поступил в Ставропольский филиал юридической академии, но диплом об окончании не получил. Работал начальником уголовного розыска Шалинского района Чеченской Республики Ичкерия (ЧРИ), был начальником охраны Джохара Дудаева. После 1994 года был первым заместителем министра шариатской безопасности и первым заместителем министра внутренних дел самопровозглашённой ЧРИ. С марта 1995 года – начальник Департамента государственной безопасности ЧРИ.

¹² Полевой командир, бригадный генерал самопровозглашённой ЧРИ. Родился в 1962 году в селе Герменчук Шалинского района Чечено-Ингушской АССР.

¹³ Полевой командир, бригадный генерал самопровозглашённой ЧРИ. Родился в 1963 году в городе Шали Чечено-Ингушской АССР.

УЛЬШИН

Светловолосого улыбчивого Женю Улышина в его родном Будёновске хорошо знали. Он ремонтировал телефонные аппараты (не мобильники какие-нибудь – самые обычные проводные, советского производства), и с наступлением повальной телефонизации у него в мастерской побывало немало народу. Приём населения Улышин любил. Люди не просто приносили поломанную технику, но и разговаривали за жизнь. Женщины жаловались на мужей, на родню. Женя сочувствовал, давал советы. Ему это нравилось – общаться. Иногда он думал, что мог бы стать психологом. Но быть просто хорошим человеком, которого знает полгорода, тоже чего-то стоит.

Зато работать он предпочитал в одиночестве. Потому и вставал спозаранку. До центра города, где находилась мастерская – полчаса ходьбы. Он любил ходить пешком – и под автобус не подстраиваться, и для здоровья полезно. С семи до десяти можно спокойно ковыряться в железе, с десяти до двух – приём граждан. С двух полагалось ходить по вызовам, если они были. Чаше их не было.

В то утро он проснулся, как обычно, в шесть. Хряпнул кофейку. Солнце уже заливало окрестности яркими лучами. Ночь не принесла прохлады, улица дышала жаром. Женя шёл по тихому, сонному городку, где никогда ничего не случается. Это был обычный будний день – среда, четырнадцатое июня.

14 Июня. День первый. Захват

РАМЗАЕВ:

– Остатки наших отрядов, которые смогли уйти из районов, заблокированных российскими войсками, собрались у села Аллерой – всего сотни полторы бойцов. Мы перешли через хребет Аллерой – Ново-Грозный и через лес, в обход российских заслонов, вышли к бакинской трассе. Там, в паре километров от шоссе нас ждали крытые КамАЗы.

Командиры предупредили, что назад дороги нет, что убить могут всех, и если у кого-то есть незаконченные дела или кто-то передумал, сейчас самое время уйти. Никто не ушёл. Все понимали, что другого выхода нет. Мы боялись потерять то, за что воевали, за что умирали. Сколько погибло наших бойцов, сколько мирных жителей, и всё напрасно? Мы были настроены решительно. Нам сказали: «Докуда дойдём, там и будем воевать».

Больше никакого инструктажа не было. Мы загрузились в КамАЗы, по пятьдесят человек в кузове. Места мало, стояли вплотную. За руль грузовиков посадили тех, кто мог сойти за славянина. Я сел за руль милицейской «шестёрки». Её только что покрасили, нарисовали полосы, краска ещё высохнуть не успела. Мигалка не держалась на крыше и её пристроили в салоне, на задней полке. Каждый раз, чтобы она работала, надо было куда-то подключать провода. Номеров не было никаких. Документов тоже. Ко мне в машину сели Асламбек Маленький и Абу Мовсаев. У нас с Абу была одна милицейская фуражка на двоих и один китель. Не знаю, где достали, может, кто из дома принёс. Басаев забрался в спалку¹⁴ одного из грузовиков.

Выехали около полуночи. Первой в колонне шла милицейская машина, за ней – три КамАЗа. Легенда была такая: везём «груз 200»¹⁵, русских солдат. Такой транспорт обычно не досматривали. Чеченскую территорию проехали по полям, сейчас даже не помню как, выехали на Кизлярскую трассу. Дальше по пути попала пара постов. С одного нам махали издали, но они были заняты другими машинами, и мы проехали дальше. Никаких взяток мы не давали, денег-то у нас уже не оставалось. Всё, что собрали, потратили на машины, рации и снаряжение.

Недалеко от Будёновска встали: у КамАЗа прокол. Я остановил встречную машину, тоже КамАЗ, взял у водителя ключ, поменял колесо. Поехали дальше. Я был уставший, за рулём с ночи, и говорю Мовсаеву: «Абу, сядь за руль, я спать хочу очень». Мы поменялись на ходу, и я сразу прикемарил.

Вдруг толкают меня: «Вставай, – говорят, – приехали». Смотрю, машина милицейская рядом едет. Мы уже на окраине Будёновска. Они говорят: «Останавливайтесь». Впереди развилка. Налево – дорога на Пятигорск¹⁶, милицейская машина туда ушла, а мы свернули на какую-то улицу, заплутали в частном секторе и оказались в тупике. Там я опять сел за руль, мы развернулись и выбрались на дорогу.

Проехали Будёновск, а за Прасковеей¹⁷ уже несколько машин стоят, и человек десять-пятнадцать сотрудников нам машут, останавливают. То есть о нас сообщили. Я спрашиваю: «Что делать?» Асламбек Маленький: «Останови». Я остановился, и КамАЗы встали.

¹⁴ Отгороженная часть кабины со спальным местом.

¹⁵ Таким шифром обозначались убитые военнослужащие.

¹⁶ По докладом нарядов милиции, это произошло на ул. Кочубея.

¹⁷ Прасковее – село южнее Будёновска, на трассе, ведущей в Минеральные Воды и Пятигорск. Если боевики действительно планировали поход на Москву, то должны были бы двигаться в противоположном направлении, на север – на Элисту и Волгоград. Более того, для этого им не нужно было заезжать в Будёновск, так как от Кизляра лежал прямой путь на Элисту. Их фактический маршрут подтверждает предположение, что Басаев мог преследовать две цели: одной частью группы освободить своих единомышленников из пересыльной тюрьмы «Белый лебедь» в Пятигорске (ныне СИЗО № 2), а другой – захватить самолёт с заложниками в аэропорту Минеральных Вод, чтобы уже на нём лететь в Москву. Напомним, только за 1994 год в РФ произошло три захвата воздушных судов. Да и у самого Басаева имелся успешный опыт захвата самолёта с заложниками в аэропорту Минеральных Вод в 1991 году.

Подошёл старший лейтенант. Один. Другие стояли вдалеке. «Дальше нельзя. Ваши документы». А у кого они есть, документы? Не было даже поддельных. Исмаилов (Асламбек Маленький), он без акцента разговаривал, на КамАЗы показывает: «Там груз 200». Тот, кажется, поверил, но говорит: «Ребята, там впереди войска подняли, я не могу вас пропустить, поехали в отдел».

Похоже, и правда, войска, которые в Георгиевске стояли, уже по тревоге подняли – самолёты над нами начали летать. Мы с Абу переглянулись: ну, значит, поедом. Милиционеры впереди, мы за ними. По дороге ни о чём не говорили, всё было понятно. Прямо перед отделом милиции они встали, и тогда всё началось.

Милиционер, который нас на трассе остановил, подошёл к машине со стороны Абу Мовсаева и потребовал уже жёстко: «Теперь покажите документы!» Абу дверцу открыл, сказал: «Вот тебе документы!» – и застрелил его на месте. Из КамАЗов сразу выскочили Асламбек Большой и Шамиль, началась перестрелка с милицией¹⁸. Отдел РОВД мы захватили за несколько минут¹⁹. Там остались одни женщины, нам сказали их забрать. Мы по-быстрому всех вывели на улицу. Была команда собирать людей, не трогать только детей и иностранцев.

Наши разбрелись по городу кто куда. Мы с Асламбеком тоже пошли собирать людей, я от него не отходил. Город был испуган. Кто-то плакал, кто-то просто не понимал, что происходит. Не знаю, поверите вы или нет, но ни один гражданский в городе не был убит. Я, во всяком случае, такого не видел. Разве что случайно шальная пуля где-то попала²⁰. Мы расстреливали только милиционеров и вертолётчиков²¹. Вертолётчики были нашими врагами. Здесь, в Чечне, было видно всё, что они творили. Они бомбили всё подряд. Сколько тысяч людей у нас убили – не только боевиков, сколько женщин, детей, стариков, сколько без рук, без ног осталось! Убило осколком и моего старшего брата.

Ни одного наёмника среди нас не было, это всё враньё. С нами и русских не было, один казах – и тот доброволец. Один дагестанец был, его там убили. Мы добровольно, не за плату поехали умирать. Мы все пошли в последний бой. Никто не думал возвращаться. Никто, ни один человек не верил, что вернётся назад.

Людей собрали на площади у администрации. У нас и среди гражданских были раненые. Мне Маленький Асламбек говорит: «Сажай раненых, отвези в больницу, будь там, пока мы не подойдём». Раненых мы занесли внутрь. Легко раненые шли сами.

УЛЬШИН:

– В 11.30 утра, когда террористы вошли в город, я сидел в мастерской. Клиентов не было, и мы с другом Серёгой гоняли чай. Вдруг на улице поднялась стрельба. Стреляли у администрации. Моя контора была метрах в пятидесяти, но окна выходили на другую сторону. Я

¹⁸ Вторая машина сопровождения ГАИ, ехавшая позади колонны, была расстреляна боевиками из отставшего замыкающего КамАЗа.

¹⁹ В момент нападения в ОВД находилось не более 15–20 сотрудников, остальные уехали за город благоустраивать ведомственный дом отдыха. Фактически, боевикам удалось захватить только первый этаж здания РОВД; оставшиеся на верхних этажах сотрудники милиции оказали активное сопротивление.

²⁰ Расстрелянных через дверь людей находили в квартирах близлежащих домов; расстреливали и проезжающие машины.

²¹ Командиру вертолётной части, расположенной в окрестностях Будённовска, позвонили из ОВД и сообщили, что на город напали неизвестные вооружённые люди. Тот отправил в город группу, состоящую из офицеров и старшего прапорщика во главе с нач. штаба полковником Юрием Алексеевичем Коноваловым, вооружённых табельным оружием (пистолетами). В центре города автобус с вертолётчиками обстреляли, завязался бой. Трёх военнослужащих боевики убили в ходе перестрелки. Шестеро тяжелораненых, которых местные жители доставили в больницу, впоследствии были расстреляны. Кроме того, в центре города были захвачены капитан Александр Анатольевич Тюрин из 368-го Отдельного штурмового авиационного полка и пассажиры его автомобиля – преподаватель военной кафедры Казанского филиала Московского энергетического института подполковник Ринат Мингареевич Гилязов и выпускник того же вуза Сергей Владимирович Герасимов, которых он вёз в свою часть. Все трое были расстреляны.

набрал милицию: «Что происходит? Кто стреляет?» Мне ответили: «Всё хорошо, ничего не происходит». Спокойный голос. Слишком спокойный. Я понял: милицию захватили.

Мы с Серёгой выглянули в окно и увидели людей с автоматами. Сначала решили закрыться в кабинете. Но потом подумали: фанерную дверь вышибут на раз-два и начнут по нам палить. Поэтому мы снова уселись пить чай, а дверь оставили незапертой. Стрельба за окном продолжалась, кричали люди. Мы затаились, прислушиваясь. Идут. Они выбивали двери одну за другой, всё ближе и ближе.

Дверь распахнулась от сильного удара, на пороге стоял чеченец. «Выходи! Не рыпайся, не дёргайся и иди», – скомандовал он. Другой стоял в коридоре, третий – на лестнице. Мы встали и пошли. Когда спускались, один попросил у меня сигареты. Я ему пачку протянул и говорю: «И мне оставь, а то курить нехер будет». Так обнаглел. Ещё не понимал ситуации.

Нас вывели на улицу и повели на площадь. Я увидел расстрелянную машину управляющей «Сбербанка». Подумал: жалко, красивая женщина была. То есть я понял, что её убили, но почему-то не разозлился, а только пожалел её. Нас посадили на площади. Людей было много. Вокруг ходили чеченцы с автоматами. А людей всё вели и вели из города. Жена не работала, дочка была с ней. Я волновался, дома ли они. Мы живём далеко от центра; если дома, тогда в безопасности.

Мы сидели, ничего не происходило. Женщины плакали. У некоторых начались проблемы с сердцем. Люди делились лекарствами, успокаивали друг друга. На площади было очень жарко, солнце палило вовсю. В какой-то момент нам всем сказали: «Если будут попытки бежать, мы взорвём бензовоз». Бензовоз стоял рядом. Все сразу притихли – жить хотели. Я тоже хотел. У меня и мысли не было бежать, наступило какое-то отупение. Мозг будто отключился.

Через полчаса нас подняли и повели. Мы шли по Пушкинской. Это длинная улица, которая ведёт к проспекту Калинина, а он – к больнице. Рядом со мной шла провизорша из аптеки, держалась за сердце. Её придерживал директор аптеки. У здания патрульно-постовой службы я увидел трупы милиционеров, и тогда мне стало страшно. Когда повернули на проспект Калинина, из колонны рванул парень лет двадцати. Он бежал очень быстро, но очередь в спину свалила его. Парень лежал мёртвый, а мы шли мимо. Я тогда подумал, что парень молодец. Ну то есть он погиб, но вырваться попытался. Себя я почувствовал бараном. Шёл в толпе – лишь бы не тронули. Мерзкое чувство.

Нас подвели к больнице и посадили на землю около инфекционного корпуса. У всех потребовали документы и стали их проверять. Военных – вертолётчиков и ментов – просили выйти из толпы. Рядом со мной сидел пожарный. У него не было документов, но он был в зелёной форме и его тоже попросили выйти. Он объяснил, что пожарный, его вернули в толпу. А разговор чеченца и вертолётчика я запомнил навсегда.

– Летун? – спросил чеченец.

– Летун.

– Действующий?

– Действующий.

– Пошли.

Вертолётчик молча пошёл. Он не просил его пощадить, не сказал ни одного слова. Группу военных увели и расстреляли, я слышал очереди. Нас подняли и повели в здание травмпункта. Я шёл и думал: а как бы поступил я, если бы повели на расстрел? Кричал? Говорил, что у меня дети? Смог бы умереть с достоинством или заистерил?

Уже в темноте нас отвели в главный корпус.

Я понял, что пришли чеченцы, и понял, почему они пришли, но что будет дальше – не думал. Просто старался не высовываться, чтобы не застрелили.

СКВОРЦОВ:

– В тот день я заканчивал плановую операцию. Оставалось зашить операционную рану, и я поручил это ассистенту. Меня уже ждали люди – в 12 часов по средам я проводил консультации, из поликлиники и районов ко мне присылали тяжёлые случаи. Был уже первый час, когда я вышел в коридор крикнуть, что скоро приду. Я был немножко запачкан в крови – торопился и даже не стал раздеваться. В коридоре я сразу столкнулся с бегущим начмедом. «Сейчас будет массовое поступление раненых», – сказал он, запыхавшись. Я сперва не поверил: «Кто, откуда?» – «Не знаю, – говорит, – ничего. Нам только что позвонили из администрации». Смотрю, около моего кабинета уже никого нет – люди поубегали. Если честно, я не особо забеспокоился, думаю, ну, может, человека два-три – авария или милиционеры постреляли друг друга, часто у нас такое бывало. Но сёстрам сказал: «Девчата, все перевязочные разворачивайте в операционные». Решил перестраховаться. У нас было всего-навсего две операционные – плановая и экстренная. Я хорошо знал, что материал быстро кончится – операции же шли – и отправился в гинекологию за стерильным материалом и операционными наборами.

Открыл дверь – и чуть не уткнулся в двух солдат. Одежда в пыли, грязные полосы на лицах, пот бежит со лба, в руках автоматы. Чеченцы. Я крикнул: «Куда вы идёте? Это ж хирургия, туда нельзя!» Один сразу раз – автомат на меня. Другой смотрит. Я говорю: «Вы что, не понимаете, это ж хирургия, туда нельзя так заходить». Они мне: «Доктор, мы понимаем, не волнуйтесь». – «Слушайте, ребята, вы кто?» – спрашиваю. «Мы ж вас предупреждали, что придём». – «Меня, – отвечаю, – никто не предупреждал». Один объяснил, что разведывательно-диверсионный отряд захватил город. Я говорю: «Как захватил?» – «Да, – говорит, – мы захватили ваш город. А вы что, не слышите, что бои идут?» – «Ничего я не слышу, – говорю, – я на операции». Он меня взглядом окинул – у меня кровь на халате. «А вы, – говорит, – работайте. Что делали, то и делайте, мы мешать не будем».

Я сразу вернулся назад, и в этот момент заносят первого раненого. Женщина. Тяжёлая, без сознания. Врач-хирург Вера Чепурина подходит и говорит: «Десять человек привезли, есть несколько тяжёлых». – «Я пойду оперировать эту женщину», – говорю. «Давайте я возьму женщину, а вы девочку, – отвечает Вера. – Там девочка очень тяжёлая». Приносят – симпатичная девчущечка лет шестнадцати. По-моему, Катя. Под ней граната²² взорвалась, разворотила её всю. Сколько есть органов, начиная от сердца и кончая мочевым пузырём, везде повреждения. Ранение сердца, лёгких, диафрагмы, желудка, печени, кишечника, поджелудочная железа рассечена, почка. Осколки все в ней. Четыре часа я провозился в операционной.

Она умерла в реанимации от потери крови. Мы сделали всё, вбухали в неё всё, что у нас было. Мы бы вытянули её, но не хватило медикаментов...

Когда закончилась операция девочки, принесли второго тяжелораненого. Я понял, что надо оперировать мне. Две пули вошли в грудную клетку, кувыркнулись там, осколки пошли через печень, в брюшной полости повреждено было всё. Кто-то из коллег сказал, что это милиционер Александр Журавлёв. Его ранили, когда он с напарником перегораживал грузовиками улицу от боевиков; напарник погиб на месте.

Где-то я зашивал, где-то удалял кишечник прямо кусками, потому что сито сплошное, закрывал печень, поджелудочную – всё, что только можно было. В грудной клетке ничего не делали, только трубку воткнули, чтобы лёгкое расправить. За окном грохотали очереди.

Меня вдруг прорвало. Я стал ругать чеченцев, называть их вояками, которые прикрываются больницами и бабами. В это время я увидел лицо моего помощника над маской – бледное как мел. Он стоял, не шевелясь. Я повернул голову и увидел двух чеченцев с автоматами в руках. В глазах – злоба. Я что-то пробурчал, сказал «работаем» и продолжил на каком-то автоматизме. Внутри я весь сжался, ждал очередь в спину. Но – пронесло, они ушли.

²² В распоряжении боевиков были как ручные гранаты, так и выстрелы к подствольным гранатомётам ПГ-25, которые массово использовались чеченцами.

Александра мы вытянули. Я уже знал, что милиционеров они расстреливают. Нужно было положить его в отдельную палату, чтобы в бреду он не выдал себя. Мы вывезли его из операционной, это был первый раз, когда я вышел в коридор. Получается, оперировал восемь часов. Смотрю, вроде, моя больница – те же стены, коридор, но сидят толпы людей. Возле ординаторской работал телевизор. Чеченцы смотрели «Новости». С экрана вещали, что в больнице находятся несколько десятков заложников, а боевики убегают из города.

ТЕЛЕКАНАЛ ОРТ, ВЫПУСК ПРОГРАММЫ «ВРЕМЯ», 14 ИЮНЯ, 21.00

Ведущий Игорь Выхохлев:

Событием дня сегодня стало террористическое нападение группы чеченских боевиков на город Будёновск в Ставропольском крае с захватом административных зданий и десятков заложников. Есть убитые среди сотрудников МВД и гражданского населения.

В нападении на Будёновск приняли участие около ста вооружённых бандитов. В 12.30 в город ворвались два грузовика КамАЗ. Бандиты предприняли попытку с ходу захватить районный отдел милиции, сотрудники которого сумели отбить атаку. После этого террористы, рассредоточившись группами по пять-шесть человек, начали обстреливать на улицах города ничего не подозревающих мирных граждан, захватывали автотранспорт и поджигали дома. Они также устроили на улицах Будёновска настоящую охоту на людей, давя их колёсами захваченных автомашин. Преступники установили на крыше горящего здания крупнокалиберный пулемёт и взяли под обстрел прилегающие улицы, не давая пожарным возможности бороться с огнём. Второй пулемёт бандиты установили на крыше захваченной ими городской больницы, угрожая уничтожением находившимся в здании клиники шестидесяти пациентам и медработникам.

Наличие многочисленных заложников, по различным неофициальным источникам от пятидесяти до двухсот человек, осложняет подразделениям милиции проведение операции по окончательному обезвреживанию террористов.

Бандиты, захватив заложников из числа местных жителей, с приближением вечера начали группами отступать из Будёновска. Маршруты отхода проходят через глубинные села Будёновского района Ставрополья в направлении административной границы с Чечнёй.

Это враньё меня обескуражило. Я понял, что под такую информацию нас всех вместе с больницей могут стереть с лица земли, сказав, что там были какие-то 50–60 человек.

С этими мыслями я шёл по коридору. Навстречу везли вторую волну раненых. Я выглянул в окно: «скорые» выгружали ещё пятерых.

В больнице работали четыре хирурга, но прибежали гинекологи, сразу включились в операции. Пришёл стоматолог Бедоидзе: «Я в вашем деле ничего не умею, но помогать-то я могу». Начмед Пётр Костюченко присоединился в качестве анестезиолога. Организовалась группа. Здорово справлялись мои медсёстры. Все они умели работать на операциях.

У операционного блока я столкнулся с двумя крепкими парнями. Они несли на руках пожилого человека. Было достаточно одного взгляда, чтобы понять – умирающий. Вся спина, тазовый пояс – в крови. Рядом была перевязочная. Я открыл дверь, увидел там свободный стол и врача. Раненого положили на стол, обнажили окровавленную зону для осмотра. Оказалось обширное ранение ягодиц, практически с отрывом одной из них, осколочные ранения поясницы, спины. Со слов парней, то ли под ним, то ли на нём взорвалась граната. Чеченца, который её кинул, они убили. Я велел врачу взять зажимы, накладывать их на кровоточащие сосуды и провести противошоковые мероприятия. Что и как делать, врач хорошо знал. Сам я выбежал в коридор, сказал постовой сестре готовить систему и подключаться для инфузии растворов.

Я направился в сторону гинекологии – нужно было принести стерильные инструменты и жидкости для инфузии, у нас снова почти всё закончилось. Телефонная связь не работала –

чеченцы разбили все аппараты. Когда я оглянулся, увидел в коридоре врача из перевязочной. Я понял, что он ещё ничего не сделал, быстро подошёл к нему, повернул его и вошёл с ним в перевязочную. Я начал заниматься остановкой вялого на тот момент кровотечения и попросил его делать то же самое. Он подключился. Я снова оставил его и направился в гинекологию. Оглянувшись, увидел, что он опять уходит, бросив раненого. Я побежал назад, но у дверей меня перехватили парни, которые привезли старика. Один из них что-то кричал, прижал меня к стене и начал душить. Я с трудом вырвался и крикнул им: «Помогайте!» Вмести с ними я сделал всё, что нужно, но, к сожалению, старик умер на столе. Это был их отец.

Мы обязаны оказывать помощь всем, поэтому оперировали и боевиков. Среди них не было тяжёлых случаев. Мне запомнился мальчишка, Магомед, они его звали Малыш. Симпатичный, лет четырнадцати. Я его осмотрел: ранение мягких тканей правого плечевого сустава с симптоматикой повреждения плечевой кости. Рентгеновский снимок подтвердил перелом, но без смещений. От иммобилизации парнишка категорически отказался, первое время он использовал косыночную повязку, а потом снял и её. Если бы он был тяжело ранен, я бы его спас. Такие должны жить.

Раненые шли непрерывно. Их везли, везли, везли. Я вышел из операционной глубокой ночью. Коридоры были забиты заложниками и ранеными на каталках. Они рассказали мне, как чеченцы захватили город. Среди них я увидел врача, который убежал из перевязочной. Он лежал на полу и смотрел на меня умоляющим взглядом. Я развернулся и пошёл в свой кабинет.

Там меня ждали врачи и зав. отделениями. Сразу посыпались вопросы: что делать, как быть? Кто-то сказал, что нужно бежать из этого ада. Помню, я взял себя за ворот уже грязного халата и сказал, что мы все вот в этом символе должны оказывать людям помощь, и я не могу оставить ни пострадавших, ни свой персонал. Я остаюсь, вы же вправе принимать решение самостоятельно.

В те сутки из доставленных к нам раненых скончалось четверо. Двое – в послеоперационном периоде, двое – при укладывании на операционный стол. Эти двое были моими хорошими знакомыми.

В ту ночь мы с коллегами долго сидели молча. Под утро они ушли, а я лёг, чтобы спина отошла. Мы были измотаны до предела, надо было хоть час-полтора отдохнуть.

ПОПОВ:

– В тот день мы вернулись в Герменчук из Шалей, где проводили оперативные действия. Фёдор Заикин уехал отчитаться о проделанной работе в Ханкалу. Мы с Абдулбеком обсуждали рабочие планы. Потом зашёл Шамсутдин Мусаев, сотрудник питерского УБОПа, он работал с нами. В 18.30 вернулся Фёдор, его лицо было серо-зелёным. «Боевики захватили в Будёновске администрацию и ОВД».

Это был шок. Минут десять я стоял, не понимая, что произошло. В начале июня поступила информация, что боевики сделали загранпаспорта. Значит, что-то замышляют. Но что именно, мы не знали. Я тогда доложил Куликову²³. Он сказал, что такие сведения у него есть.

Первая мысль, как обухом по голове: они знают наши адреса (об этом у меня была оперативная информация). Дома – карты, радиостанция, справки о проделанной работе. Если боевики это найдут, семью не оставят в живых. Я решил немедленно ехать в Будёновск. Рядом стояли Абдулбек и Шамсутдин, я попросил их поехать со мной, они сразу согласились. По дороге мы миновали больше двадцати блокпостов. Я ходом пролетал их все. У меня была борода, камуфляж – ни разу не остановили. Бардак везде. Я гнал.

Около 23 часов мы приехали в Зеленокумск, это пятьдесят километров от Будёновска. Ехать напрямую было опасно: мы не знали обстановку в городе. Я зашёл в кабинет начальника

²³ Командующий Объединённой группировкой федеральных сил на территории Чеченской Республики.

местного ОВД. «Петрович, что там происходит?» Он коротко обрисовал ситуацию. Мы быстро заехали домой к Абдулбеку, забрали его старшего брата Имрана. У него был большой авторитет среди чеченцев.

По пути из Зеленокумска в Будёновск уже стояли казачьи заслоны. Казаки были вооружены охотничьими ружьями и нагайками. В город въехали ближе к полуночи. Пустые улицы, освещения нет. По дороге попадались сгоревшие машины. На втором или третьем перекрёстке нашу машину обстреляли военные. Когда поняли, что свои, извинились, попросили выключить ближний свет и включить подфарники. Всем своим была дана такая команда.

Когда мы подъехали к зданию РОВД (нужно было доложить руководству о прибытии), подрулил Фёдор. Он привёз с собой Шарипа, Умара и Адама. Умар пользовался авторитетом в Шалах, он спортсмен, до сих пор отжимается 2000 раз. Адам – его брат. Они тоже работали с нами.

Какой-то подполковник проводил нас в РОВД. На полу в коридоре лежали трупы сотрудников милиции – мой бывший начальник, мой бывший подчинённый, начальник службы участковых. Я узнал многих. Лежала женщина, которая пришла на приём. Было больно на них смотреть.

Во дворе, возле стены КПЗ мы увидели шесть трупов боевиков. Умар сразу узнал снайпера Лом-Али Чачаева. Вместе с Басаевым в ноябре 1991-го он угонял самолёт в Турцию, воевал в Абхазии. Стояла сильная жара. От трупов уже начинало пахнуть. Слева у гаражей прямо на асфальте спали солдаты.

Мы зашли в штаб. В кабинете начальника ОВД были Министр внутренних дел Ерин, его первый зам Егоров, начальник УВД Ставропольского края Медведицков, начальник УБОП при УВД Ставропольского края Юрин, начальник будёновского РОВД Ляшенко и ещё несколько генералов и гражданских лиц, которых я лично не знал. Все выглядели растерянными.

Я представил ребят, сказал, что они готовы помочь в переговорах. Медведицков, увидев у Шарипа под рубашкой на ремне «стечкина», приказал отдать. Шарип отдал – на ноге у него был второй «стечкин». Потом Медведицков возмущался, что в штаб с такими высокими лицами я привёл вооружённого чеченца. А эти чеченцы приехали нам помочь! В ту ночь ещё никто не знал, кто именно захватил больницу, и не мог знать, что с нами Шарип, родной брат одного из их командиров.

После доклада я рванул домой. Поднялся в квартиру, там никого. Я начал звонить соседям. Они сказали, что жена и дети у знакомых. Около часа ночи я нашёл семью в квартире моего друга, пожарного Георгия Рюмшина. Сам Георгий оказался в больнице среди заложников. Накануне его чуть не расстреляли – он был в зелёной форме, но, разобравшись, не тронули. В его доме моя семья была в безопасности. Радиостанцию и документы жена принесла с собой и успела спрятать. Я успокоился и поехал в ОВД.

Руководство штаба искало переводчика с чеченского, чтобы слушать боевиков. Тут пригодился Шамсутдин. Мы с ним поехали в детский садик рядом с захваченной больницей, где сидела группа радиоперехвата. Чеченцы периодически выходили на связь с кем-то из своих, но в эфире вели себя крайне осторожно. О чём говорили, я не вникал. Я пытался прикинуть, кто находится в больнице, с кем придётся вести переговоры. Я подозревал, что там и Басаев, и Асламбек Большой.

ФИЛАТОВ:

– Утром мы приехали в Терехово – это огромный пустырь в московском районе Крылатское. Там стояли заброшенные дома, и мы отрабатывали подходы к зданию: пробегали три метра, падали в высокую зелёную траву, перекатывались, меняя позицию, поражали условных террористов, мелькавших в окнах. Я не переставал удивляться: чем это мы здесь занимаемся?

Как в училище – основы ведения боя в атаке и в обороне. Зачем нам повторять общевойсковые элементы? Мы что – Рейхстаг брать собрались? В полной экипировке упражнения давались непросто. Тяжёлый бронежилет и увесистая каска задирали центр тяжести, и на бегу нас мотало из стороны в сторону, как пьяных. Летняя жара высушила землю, и в воздухе висела пыль, я чувствовал её на своих зубах вперемишку с солёным потом, от которого щипало глаза. Думал ли я, что через несколько дней эти элементы понадобятся мне в реальном бою!

Сигнал тревоги поступил в Управление «А» в Москве около 14 часов. Предварительная информация – захват заложников группой террористов. Мы сорвались с обеда, начали готовиться к вылету. По инструкции на сборы у нас максимум час. «Возьму с собой пулемёт?» – спросил я начальника отделения. «Лёша, какой пулемёт, ты с ума сошёл? Думаешь, ты там из пулемёта будешь стрелять? Не смей».

Это и правда звучало странно, пулемёты – не наш метод. Обычно нам хватало пистолетов и семи секунд, чтобы обезвредить террориста. Ведь чаще всего они захватывали автобусы или самолёты, там с пулемётом не развернёшься. Да и должность пулемётчика у нас ввели совсем недавно – с началом войны в Чечне. Наверное, снова планировались совместные с армейцами операции, как когда-то в Афганистане. Не знаю, почему, но я решил взять пулемёт. И взял.

Сергей Поляков тогда возглавлял Первый отдел «Альфы». Я был во втором. Он был вхож в штаб, он получал и отдавал приказы. Я их выполнял. Вместе мы попробуем восстановить картину произошедшего с нашей стороны.

ПОЛЯКОВ:

– В тот день Группа «А» вылетела полным составом – два отдела, около сотни человек. В Москве нас заменили Хабаровская и Екатеринбургская «Альфы». Мы знали, что произошёл теракт, но точной информации – сколько террористов, сколько заложников, какой объект предстоит брать – у нас не было. Из аэропорта Минвод нас привезли на старых автобусах. При подъезде к городу из темноты выскочил лейтенантик и перегородил нам дорогу. Кажется, он был не в себе – выбежал с «макаровым» останавливать автобусы, набитые вооружёнными людьми. К счастью, ситуация быстро разрешилась и мы поехали дальше.

По приезду нам сразу поступила команда из штаба: встать в оцепление больницы. Это не дело группы антитеррора, но, думаю, руководство тогда пребывало в растерянности.

ФИЛАТОВ:

– Меня посадили на ведро – вот прямо на ведро, и я всю ночь смотрел в сторону больницы, вглядывался в темноту. У вас, как у руководителя, была на тот момент какая-то информация: сколько заложников, сколько террористов, кто они?

ПОЛЯКОВ:

– Ничего не было известно. Но сразу возник вопрос: что нам здесь делать? Да, теракт – это наш профиль. Но до этого мы брали автобусы и самолёты. А больница – это целая крепость. Рекогносцировку мы ещё не проводили, но уже было понятно, что штурмовать такое здание – самоубийство. А когда на следующий день наши специалисты рассчитали потери в случае штурма, ужаснулись все.

Но мы понимали: если поступит приказ, выполнить его придётся. В памяти был свеж эпизод двухлетней давности, когда вопреки приказу Ельцина мы не стали штурмовать Белый дом. Он тогда сказал: «У меня этих подразделений быть не должно». «Вымпел» перевели в МВД, а за нас заступился Барсуков, наш тогдашний руководитель. Когда в 92-м нас передали в ГУО из КГБ, где шли бесконечные переформирования, мы почувствовали какую-то уверенность. Мы надеялись на Бориса Николаевича. Казалось, как раз такого харизматичного лидера

нам и не хватало. Но тот конфликт группа пережила тяжело. И её положение в 95-м во многом стало следствием этого конфликта.

В Будёновске «Альфа» оказалась без руководителя своего ведомства. Михаил Иванович Барсуков, начальник Главного управления охраны, готовился к вылету в Канаду вместе с президентом Ельциным и главой его службы безопасности Коржаковым. В штабе были министры МВД и ФСК, в городе – их подчинённые, а мы оказались ничьи. Я понимал, что «Альфе» в такой ситуации придётся непросто.

Четырнадцатого июня, когда террористы вошли в Будёновск, президент Ельцин ещё в России – в Ново-Огарёво. Он готовится к вылету в канадский Галифакс, на саммит «большой семёрки». Тогда Россия ещё не входила в элитный клуб, но Ельцина пригласили восьмым. О том, что в Будёновске произошёл теракт, ему сообщил Сергей Степашин, глава ФСК²⁴.

ФИЛАТОВ:

– Вы первый доложили Борису Николаевичу о Будёновске?

СТЕПАШИН:

– Да, я ему позвонил. В это время я был как раз на Лубянке. Мне сообщили мои ребята. Я звоню Ельцину, говорю: так и так, ситуация очень тяжёлая.

ФИЛАТОВ:

– Как Ельцин отреагировал на ваш звонок?

СТЕПАШИН:

– «Вылетайте, оцените обстановку, разберитесь». Он это спокойно сказал, зачем панику наводить. Я полетел.

ФИЛАТОВ:

– Накануне теракта у вас была информация о том, что боевики что-то готовят?

СТЕПАШИН:

– За неделю до штурма в Будёновске была шифровка по линии ФСБ, тогда ФСК. Я, кстати, Ельцину докладывал. Даже документы есть в архиве ФСБ о том, что планируется прорыв. Четыре группировки. Но в связи с тем, что было много разной информации...

ФИЛАТОВ:

– Дезинформации?

СТЕПАШИН:

– Да, как обычно в такой ситуации <войны>²⁵. И, вроде как, знаем. Мы знаем – мы задержим.

ФИЛАТОВ:

– Помимо вас, Ельцин отправил в Будёновск и Виктора Ерина, министра внутренних дел России. Вы всё это время находились вместе? Кто принимал решения?

СТЕПАШИН:

– Мы постоянно сидели в штабе – я, Ерин, Егоров²⁶ и Олег Гайданов, зам. генерального прокурора. Даже в гостиницу не ходили. Там у нас два кабинета было. Егорова назначили руководителем штаба.

ФИЛАТОВ:

– А почему назначили именно Егорова руководителем штаба? Почему не Ерин руководил?

²⁴ Здесь и далее вставки автора выделены жирным шрифтом.

²⁵ Здесь и далее в угловых скобках – слова автора, поясняющие смысл высказывания. <...> – означает пропуск фрагмента текста.

²⁶ Михаил Константинович Егоров в 1995 году был заместителем министра внутренних дел. Генерал-полковник. В августе 1995 года (после отставки Ерина) освобождён от должности и выведен за штат.

СТЕПАШИН:

– Министр есть министр. Министр – это уже крайность. Вообще, поначалу даже хотели начальника ГУВД назначить, но слабоват оказался²⁷. Егоров – первый зам. министра, генерал-полковник. Ему, кстати, поручили спецподразделение, и это правильно.

Итак, произошло то, что произошло. На территорию России беспрепятственно проникли чеченские боевики и устроили бойню в тихом городке – расстреливали людей в их домах и на улицах, подожгли Дом детского творчества, захватили больницу, где к собранным по всему городу заложникам прибавился медперсонал и сотни пациентов, среди которых были дети, грудные младенцы и роженицы.

Информация о том, что боевики планируют прорыв, была у командующего войсками в Чечне Куликова, у главы ФСК Степашина, о ней было доложено президенту, тем не менее, она не была отработана. Теперь предстояло решить, как освободить заложников и что делать с террористами. Усложняло ситуацию и то, что это был первый подобный теракт в истории человечества – и по числу заложников и террористов, и по дерзости исполнения. Позже будут Беслан и Норд-Ост, но Будёновск стал первым шоком для страны и мира. Опыта решения подобных ситуаций не было ни у МВД, ни у «Альфы». Чтобы спланировать операцию, предстояло выяснить, сколько в больнице заложников, сколько террористов, кто они такие и как вооружены.

²⁷ Виктора Константиновича Медведицкова. Далее Попов даёт ему совсем иную характеристику.

15 Июня. День второй. Плен

СКВОРЦОВ:

– Светало. Я открыл глаза, и сразу пришла тяжёлая мысль: скорее всего, сегодня будет так же, как вчера, если не хуже. Я лежал на диване в своём кабинете и видел, как в кино, нашу ночную встречу с коллегами, бегущего себя и коллег с биксами со стерильным материалом, укладками с инструментами. Они прибежали сами, по своему долгу, помогать нам. Вспомнилось, как вдруг возник передо мной стоматолог Бедоидзе: «Я не хирург, но помогать-то я могу». За окном совсем посветлело, стрельбы не было.

В моём кабинете начали собираться сотрудники отделения. Мы обсудили ситуацию, определили, кто чем займётся. Стало понятно, что без договорённостей с террористами работу не наладить. Я знал, что штаб они устроили в нашей ординаторской, и пошёл туда.

На входе стоял человек.

– А где у вас командир? – спросил я.

– Зачем он вам?

– Надо решить вопросы производственного характера.

– Зайдите, сидит в ординаторской.

Я открыл дверь и увидел человек семь. Все они смотрели на меня.

– С кем мне разговаривать? Мне нужен старший.

– Доктор, а что вы хотите? – спросил меня крупный парень в военно-полевой форме (потом мы стали называть его Большим Асламбеком).

Я объяснил.

– Работайте, мы никому мешать не будем. Если будут мешать, скажите мне, помехи устраним.

Сидевший рядом бородатый чеченец, до этого смотревший на меня очень внимательно, тоже включился в разговор. Я понял, что это Басаев. Они разговаривали вежливо, решили важный для меня вопрос, и я немного успокоился. В этот момент раздался телефонный звонок. Звонили из штаба. Басаев стал договариваться о пресс-конференции. Ему, конечно, нужен был общественный резонанс, по телевизору шло враньё. Я услышал, что журналисты должны прийти в 12 часов дня.

Вернувшись, я сказал коллегам, что обо всём договорился, а потом пошёл на обход больных. Все пережили ночь, самые тяжёлые были стабильны. Это всегда очень хорошо.

Где-то через час отделение отмыли и оно стало более или менее похоже на прежнее. На стенах виднелись отметины от пуль, некоторые окна были разбиты. Людей оказалось даже больше, чем мне показалось ночью. Проходя по палатам, я видел на их лицах тревогу, страдание, страх. Некоторые женщины плакали.

Утром я внимательнее рассмотрел чеченцев. Их экипировка впечатляла: у каждого автомат, пистолет, на груди в разгрузке как минимум четыре-пять магазинов, на брюках спереди по два магазина на каждом бедре, ручные гранаты. На каждой разгрузке сзади капюшон, из которого торчат одна-две ручки противотанковых гранат. У многих заряженные РПГ²⁸, у каждого рация и обязательный традиционный кавказский кинжал. Рядом с ординаторской лежало безоткатное реактивное орудие, в коридорах и в других точках были установлены пулемёты ПК, в нашем отделении их было шесть.

После обхода я отправился в свой кабинет. У дверей стояли коллеги и что-то обсуждали, я присоединился к ним. Вдруг меня кто-то тронул за руку, я повернулся и увидел мужчину. Лицо его мне было знакомо. Он отозвал меня в сторону и сказал: «Спасите меня». Я отвёл

²⁸ Ручной противотанковый гранатомёт.

его подальше от группы – заметил, что нас слушают. «Вы кто?» – «Я сотрудник милиции, ваш сосед». Я пригляделся и узнал в мужчине соседа по дому, криминалиста Анатолия Михайлова. Как же я могу спасти его, где спрятать, ведь все на виду? Но в его лице было отчаяние, я, кажется, взял его за руку и сказал: «Пошли». Завёл к себе в кабинет, открыл шкаф. «Вот моя рабочая форма, переодевайся и крутись всё время рядом со мной, старайся делать вид, что помогаешь». Он начал переодеваться и достал из кармана удостоверение. Я не знаю, как Толя дожил до утра – на милиционеров постоянно шла охота. Удостоверение мы спрятали.

Примерно к обеду мои медсёстры подкрасились, как-то подтянули фигурки. Испуг у них уже прошёл, они поняли, что сейчас никого здесь не убьют. У меня молодёжь работала, все симпатичные. Я говорю: «Девки, вы что творите? Сейчас зажмут где-нибудь в углу, два-три человека «шарахнут» вас, и вы орать будете. Кто вам поможет? Я приду, меня застрелят сразу же». А про себя думаю: так оно и будет. Тут как раз идёт Асламбек Большой. Я говорю:

– Асламбек, девушки у нас молодые, я боюсь такой-то ситуации. Крик начнётся, мне придётся вмешиваться, боюсь, что меня пристрелят.

– Сто процентов сразу пристрелят, как только рот откроешь, чтобы не узнали.

– А почему прям так сразу? – спрашиваю.

– У нас по закону за изнасилование – расстрел. Никто не захочет, чтобы их выдали.

Я, помню, засмеялся.

– Что, вот тут и расстреляют?

– Вот тут, – говорит, – прямо и расстреляют.

Я стою, улыбаюсь. Он говорит:

– Не веришь?

– Конечно, – говорю, – не верю.

Он достаёт из кармана брошюру и показывает мне: «Измена Родине – расстрел. Изнасилование женщины – расстрел. Мародёрство – расстрел». Дальше – список того, что разрешено. Если зимний период, а он раздет, ему разрешено в качестве контрибуции забрать тёплую одежду, какую-то сумму денег и продукты для разового питания.

– Ну очень похоже на устав Советской армии, – заметил я.

– А мы, – говорит, – ничего не меняли.

Он вытащил и показал мне свой военный билет.

Девчонки всё поняли, быстренько замазали себя, сделали неопрятный вид. К середине дня люди подуспокоились и начали разговаривать с боевиками. Я, помню, заговорил с женщиной, среди чеченцев их было трое. Она была экипирована как боевик, но носила санитарную сумку. Я спросил, кто она. Она ответила, что её зовут Белла, что она врач-терапевт. Рядом с ней лежал раненый боевик. Оказалось, это её муж. Его чеченцы называли Васильевич. Я поинтересовался, откуда у него такое отчество. Он сказал, что его отец русский, а мать – чеченка. Жил в Волгоградской области, по образованию учитель. Приехал воевать за Чечню добровольно, защищать своих родственников. У Беллы я спросил об их медицинском оснащении. Она ответила, что оснащение неплохое, показала мне импортные наборы и сказала обращаться, если будет трудно с медикаментами, помогут хоть немного.

Чеченцы объясняли людям, почему пришли, и мы их понимали. Но в то же время я чётко осознавал, что нас захватил враг. Враг, который, во-первых, другой по менталитету, во-вторых, уже полгода воюет. У него психология, характерная для любой войны, и ценности, отличные от ценностей мирной жизни. Наши жизни сейчас зависели от желания врага.

Во второй половине дня Анатолий Михайлов отозвал меня в сторону и сказал: «Анатолий Германович, я хочу подключить телефон в вашем кабинете к телефону в ординаторской и слушать чеченцев. Поможете?» Мы пошли ко мне. Когда Анатолий закончил и сел слушать чеченцев, в кабинет вдруг вошёл Асламбек Большой. «Что это? – крикнул он и подошёл к аппарату. – Что вы делаете?» Я начал бормотать, что мы подключили телефон, чтобы сооб-

щить родственникам, что живы. Что подключили только что, но всё равно ничего не вышло. Он пристально посмотрел на Михайлова. Я напугался, что сейчас Асламбек раскусит Толю, и тогда его расстреляют. Не знаю, поверил он мне или нет, но развернулся и вышел.

По больничному радио начали передавать: при убийстве одного чеченца будет расстреляно десять заложников, при ранении одного чеченца – пять заложников, за сбежавшего врача – десять медработников, за сбежавшего заложника – пять заложников. Немедленному расстрелу при выявлении подлежат милиционеры, лётчики, офицеры, принимавшие участие в боевых действиях, чиновники. А дальше была информация, от которой я вздрогнул: также расстрелу подлежат лица, скрывающие вышеуказанных. Мы с медсёстрами переглянулись.

К тому времени в отделении мы прятали раненого солдата и четырёх милиционеров, из которых двое раненых. Сами они не должны были себя выдать. Я волновался только за милиционера Александра Журавлёва, который мог начать бредить. Неспроста мы положили его одного в маленькую палату.

Наступил полдень, журналисты не появлялись. При мне Басаев позвонил в штаб и спросил, почему их нет. Ему ответили, что журналисты ещё не собраны, и перенесли их приход на два часа. Басаев сказал в трубку, что если договорённость не будет выполнена, они расстреляют пятерых заложников.

В 14 часов журналисты снова не пришли. Басаев перенёс время на 17 часов и предупредил, что это последний раз.

Шёл шестой час. Я курил и смотрел в окно, никаких журналистов не было. Вдруг раздалась очередь. Басаев выполнил обещание. В тот момент ко мне подошёл рентген-лаборант Чернышов и сказал, что у входа в подвал нашего корпуса лежат два подростка. Мы подошли к окну, я высунулся и увидел труп мальчишки, школьника. Рядом с нами заколошматили пули – стреляли наши. У меня случилась самая настоящая истерика. С обеих сторон произвол и жестокость, полное безразличие к жизням тысяч людей.

В бешенстве я выскочил в коридор, а там всё объявляли: «За побег заложника – расстрел пяти человек, за побег медика – расстрел десяти». Я побежал по коридору, и вдруг в другом его конце показался Басаев. Он шёл в окружении боевиков, что-то им объяснял и улыбался. Во мне всё поднялось, я встал у них на пути и сказал:

- Зачем расстреляли детей?
- Какие дети?
- Лежат под окнами. Два школьника.
- Это милицейская разведка была, – ответил Басаев.
- С чего вы взяли? – выкрикнул я.
- Мы знаем, кто они были, поэтому мы их расстреляли.

На меня ещё сильнее накатило, и я попёр на Басаева. Его телохранитель воткнул мне в живот автомат, палец на спуске, смотрит на своего главаря. Басаев перестал улыбаться и сказал самую страшную для меня и всех нас фразу: «Сколько надо будет, столько расстреляем».

Я не выдержал и взорвался: «Я заслуженный врач Российской Федерации, заведующий хирургическим отделением, хирург высшей категории, по официальному заявлению вхожу в тройку ведущих хирургов Ставропольского края, меня дважды в приказном порядке назначали главным хирургом края, дважды я отказывался. Расстреляйте меня, а людей оставьте в покое, детей оставьте в покое!» Во мне всё кипело. Даже сейчас мне тяжело говорить, а тогда меня трясло. Басаев уставился на меня и так стоял. Вдруг он развернулся и ушёл.

Позже мне подтвердили, что эти мальчишки, конечно, не были милиционерами. Мать одного из них лежала в больнице, они пришли её навестить, рассказать, как хорошо сдали выпускные экзамены. Они успели уйти до прихода боевиков, но их поймали на автобусной остановке и привели назад. Ночью боевики расстреляли подростков, приняв их за милиционеров.

Минут пять я стоял, как столб. Потом, ничего толком не соображая, поплёлся следом за Басаевым. Я думал как-то уговорить его не расстреливать людей.

Я видел, что он зашёл в ординаторскую. Открываю дверь и вижу: стоит Басаев и двое наших – Петька Костюченко и Вера Чепурина. И Басаев их инструктирует: «Скажете то-то, скажете пять тысяч». Я понял: в штаб их отправляет. Я говорю:

– Так что, Басаев, отправляете моих в штаб на переговоры?

– Да, – отвечает.

Мне вдруг мысль пришла:

– Слушай, Басаев, а если взять генерала и вот сюда к вам привести, отпустите всех заложников?

– Если генерала из штаба, отпущу.

– Слово даёте?

– Да, я выполняю обещание.

Тут мои подчинённые как закричат: «Не пускайте его! Он будет ругаться, мы ни о чём не договоримся». Мне стало так обидно, я думаю: «Господи, сколько я вас вытаскивал! Операция есть операция. Можно войти, а выйти – не всегда хватает умения. “Дядя Толя, давай выручай!” Всех выручал».

Я отвернулся от них и говорю Басаеву:

– Дайте мне гранату, я приведу вам генерала.

Он рассмеялся, и мне смешно стало.

«Не пускайте его!» – опять закричали мои.

Я сказал:

– Басаев, слушай, ну вы уже знаете, кто я такой.

Он ответил:

– Нет, вам там делать нечего, занимайтесь своей работой, а они поедут.

Я уже выходил из ординаторской, когда вдруг услышал:

– Анатолий Германович, остановитесь.

Я ошалел: по имени-отчеству меня назвал! Поворачиваюсь, Басаев стоит и улыбается:

– Вы знаете, а я передумал. Действительно, езжайте, вы скорее всех добьётесь там журналистов. Но назад не возвращайтесь. Я клянусь, ни одного человека за то, что вы не вернётесь, я не расстреляю.

– Почему не возвращаться? – спросил я.

– Потому что завтра будет штурм. Завтра здесь будет очень много крови. Вы уже ничего не сделаете, а в городе ещё пригодитесь. Переговорите в штабе. Добьётесь – хорошо, не добьётесь – всё равно не возвращайтесь.

– Тем двоим тоже не возвращаться? – спросил я.

– Нет, они обязаны вернуться.

Басаев попросил меня быть его посредником: отвергнуть предложения штаба – он ждал, что ему предложат деньги и вылет в любую страну – и передать его требования.

Перед тем, как уйти, я спросил его:

– Если бы вам поступило аналогичное предложение уйти и не возвращаться, вы бы оставили своих?

– Нет, я же чеченец.

Мне стало обидно.

– А почему вы считаете, что русский хуже чеченца?

– Я так не считаю, я прагматично предложил вам не возвращаться. Но это ваше решение.

– Я не могу бросить своих медсестёр. Как мне добраться до штаба?

– Вас ожидает машина.

По дороге я узнал, что Басаев пообещал расстрелять ещё заложников, если журналистов не будет в 8 вечера. В штабе нас, врачей и трёх заложников, уже ждало руководство. Среди присутствующих я узнал Степашина, представителя администрации края Коробейникова, начальника краевого МВД Медведицкого и, как мне показалось, одного из заместителей генерального прокурора РФ. Все они сидели в одном торце большого стола, в противоположном конце сели наши. В центре стола стояли бутылки с минеральной водой. Я сразу почувствовал сильную жажду и сел напротив бутылок.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.